

Абдуллаева З.З.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ДУХОВЕНСТВО НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ

Интенсивное проникновение ислама в Крым обычно связывают с приходом монголо-татар в 1223 году и образованием здесь улуса Золотой Орды. Как известно, младший брат золотоордынского хана Бату (Батия) хан Берке (1209 – 1266) сам принял ислам и начал активно влиять на распространение этой религии на полуостровеⁱ. Однако в то время процесс, очевидно, затронул лишь высшие слои населения. Широкая исламизация населения золотоордынского государства началась при хане Узбеке (1312 – 1342). Как известно, он вступил на престол еще язычником, но вскоре принял ислам и, став его активным неопитом, начал распространять эту религию в качестве государственной.

С этого времени ислам прочно укрепился на Крымском полуострове. Исламские проповедники стали все чаще посещать Крым, преимущественно под видом торговцев и суфиев различных религиозных мусульманских орденов, получивших с XIII века широкое распространение в Турции. Появившееся в Крыму пришлое мусульманское духовенство в самый короткий период завоевывает доверие верхушки феодалов-татар, становится влиятельной группировкой и даже связывается с ними семейными узами. Укрепившееся в Крыму мусульманское духовенство, как и во всех странах традиционного распространения исламского вероучения, в силу особых, установленных шариатом положений, заняло важное место в государственной, общественно-политической, культурно-просветительской и повседневно-бытовой жизни татарского населения.

Завершил процесс исламизации региона Тимур Тамерлан (1336 – 1405), который опирался в своей политике на полуострове на мусульманское духовенство и шариат. В 1385 году Тамерлан разгромил Золотую Орду, что, без сомнения, послужило одним из решающих факторов для создания кочевой знатью Крыма собственного юрта. Длительная междоусобная борьба внутри феодальных группировок закончилась в 1443 году победой Хаджи-Гирея, основавшего независимое Крымское государство. Теперь ислам прочно укрепился в новообразованном ханстве.

К этому времени в Крыму установилась довольно сложная система духовно-административного управления. Мусульманское духовенство состояло из муфтия, кади-аскера, кадиев, наибов, хатибов, имамов, мулл и муэдзинов. Кроме этого, при текиях (монастырях) были шейхи, при медресе (высшая религиозная школа) мудеррисы и при мектебе (начальная религиозная школа) оджи или ходжиⁱⁱ.

Как известно, в 1475 году Крымское ханство утратило свой суверенитет и попало в зависимость от Османской империи. Высшее духовенство теперь стало назначаться наместниками турецкого султана. Он же стал верховным главой мусульман Крыма, наместником самого Аллаха. С этого момента в его честь ежедневно произносились молитвы в мечетях Крыма. Несомненно, Турция с этого времени стала оказывать огромное, порой решающее влияние на политическую и особенно духовную жизнь крымских татар.

На протяжении многих лет в Крымском ханстве сформировалась собственная, довольно стройная духовная иерархия. Традиционно во главе мусульманского духовенства стоял муфтий (муфтй, перс. муфти, тур. мюфти; «дающий фатву») ⁱⁱⁱ – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фатвы), основываясь на принципах прецедентного права ^{iv}. Он являлся неперменным членом дивана и пользовался огромным авторитетом в религиозных делах.

В свою очередь, диван (кёрюнюш татар. – «зал заседаний») ^v являлся верховным правительствующим учреждением и высшей судебной-религиозной инстанцией, где достаточно влиятельную группировку составляли представители верхушки исламского духовенства. Это учреждение рассматривало и принимало решения по уголовным делам, в том числе и убийствам, по апелляциям в гражданских делах членов высшего сословия – беев, а также по вопросам, связанным с государственными преступлениями ^{vi}.

В диване – «зале управления и правосудия» – каждый имел свое место согласно сословной принадлежности и административной должности, занимаемым в Крымском ханстве. По правую сторону от хана сидел калга (наследник), слева – нуреддин-султан (военачальник).

О влиянии мусульманского духовенства в Крымском ханстве свидетельствует и его месторасположение в диване. Сразу за калгой традиционно стоял глава ханифитского мазхаба – шейх-уль-ислам, которым обычно был известный ученый богослов-дервиш. Рядом располагались главы трех других мазхабов – муфтии. Слева за нуредином располагалось место кади-аскер эфенди – главного религиозного судьи, а за ним обычно восседали столичный мулла, очевидно, Бахчисарайской Великой Ханской мечети, и двадцать четыре кадия Крымского полуострова ^{vii}.

Кадии, на основе шариата и фикха, разбирали дела, возникавшие в их округе – каза, изучали и разрешали споры и претензии. Эвлия Челеби писал: «Не дай Бог, если кто-нибудь из них нарушит Шариат или засудит какого-то слабого раба. На этом собрании татарские улемы этого незаконно судящего кадия побивают камнями. Совершенно не дают пощады» ^{viii}.

Постепенно, не без влияния Османской империи, в Крыму утвердилось духовенство, придерживавшееся суннитского мазхаба. Его муфтий стал приобретать все больший и больший вес в крымскотатарском обществе и оказывал заметное влияние на представителей высшего руководства государства.

Таким образом, муфтий традиционно являлся постоянным членом ханского дивана. Помимо этого конкретных дел он не разбирал, но был вправе давать юридические руководства для кадиев, в свою очередь, получая их из Стамбула ^{ix}. Он признавался непогрешимым толкователем Корана, законов и «главнейшим

эмиром» всего духовенства в ханстве. Традиционно муфтий избирался не ханом, а дворянами. Обычно претендентов выдвигали из четырех влиятельных родов крымского духовенства, владевших огромной земельной собственностью. Каждая из этих фамилий имела свою мечеть, настоятелем которой был старший из рода.

Муфтии пользовались огромным уважением в ханстве. Его решения считались окончательными и были настолько авторитетными, что даже крымскому хану вменялось в обязанности их признавать и принимать к исполнению. Те же из татар, кто даже в этих условиях шел против обозначенных правил, муфтием признавались ослушниками Пророка и назывались «бейнамазами». Они считались недостойными быть мусульманами и могли подвергаться соответствующим репрессиям.

Все мусульманское духовенство носило одежду, которая отличала их от мирян. Они носил длинный суконный балахон, каук (вытянутый сверху головной убор) и чалму. Балахон был обязательно зеленого цвета. У муфтия воротник обшивался золотом, так же как и каук^x.

Крымские муфтии первоначально располагались в резиденции ханов. Однако впоследствии, когда Феодосия стала достигать цветущего положения в ханстве, они перебрались в этот город. Поэтому Феодосия стала не только центром духовного управления государства. Здесь муфтий располагался в том числе и в качестве представителя верховного суда^{xi}. У муфтия были помощники – сеиты.

По сохранившимся свидетельствам, крымские муфтии получали от ханов жалованье в размере 4000 левов. Это составляло на момент присоединения Крыма к России сумму, соответствующую приблизительно 2400 рублям^{xii}.

Следующим за муфтием по рангу религиозной власти следовал кади-аскер (кадискер, кады-эскер, кади-эскер). Этот высокопоставленный мусульманский иерарх был помощником хана в военное время, являлся военно-религиозным судьей. В мирное время в его ведении находились дела, касающиеся крупных земельных споров, разделы крупных наследственных владений, надзор за исполнением завещаний и так далее. Кади-аскер являлся также следователем по важным делам «о смертоубийствах»^{xiii}. Обычно он получал ханское жалованье в том же размере, что и муфтий, то есть в размере 2.400 рублей^{xiv}.

Одежда кади-аскера состояла из балахона зеленого цвета, каука и чалмы. В отличие от муфтия, воротник балахона кади-аскера не обшивался золотом^{xv}.

Согласно той же мусульманской духовной иерархии, за кади-аскером следовал кади (кадди, кадий, казий; «назначающий», «приговаривающий»). Кадий являлся религиозным судьей. Они имели право выносить решения, как по вопросам религии, так и по вопросам семейного, наследственного и частично уголовного права. Таким образом, кадии решали следующие дела: тяжбы по гражданским делам, назначение опеки и попечительство над теми, кто не мог управлять своим имуществом, осуществляли высший надзор за вакуфами, наблюдали за исполнением завещаний и разделом наследства, приводили в исполнение наказания, собирали и делили закят.

Судопроизводство кадия отличалось отсутствием формальностей. Решение дела постановлялось в устной форме. Письменный документ имел значение только в том случае, если лицо, против которого он направлен, признавал его, потому что главными судебными доказательствами служили признание, свидетельство и клятва. Кадий выслушивал устное изложение. Спрашивал ответчика, признает ли он иск. Если ответ был утвердительным, то иск признавался доказанным. Если же ответчик не признавал иска, то требовалось представить свидетелей. Отсутствие свидетелей требовало от ответчика клятвы. В обязанность кадия входил и непосредственный контроль за соблюдением мусульманами религиозных обязанностей, основываясь на установлениях Корана и шариата.

Место заседаний кадиев называлось махфель-каза и меджлис-шер (заседание кадия или закона). Оно обычно находилось возле мечети или в другом общедоступном месте^{xvi}.

Одежда кадия состояла из балахона и чалмы малинового цвета. Красный шарф на плечах дополнял костюм^{xvii}.

Крымские кадии назначались разными путями. Например, в четыре кадылыка их присылал непосредственно турецкий султан. Крымский хан по своему усмотрению мог назначить кадиев только в четырех крымских и трех ногайских кадылыках. В пяти кадылыках они назначались соответственно пятью «первостатейными родами». А в 28 кадылыках их вообще избирали эмир-заде и другие влиятельные землевладельцы того или иного региона^{xviii}. Накануне присоединения Крыма к России, то есть при последнем Крымском хане Шагин-Гирее их было 43^{xix}.

В связи с обширностью кадылыков и сложностью ведения суда, кадиям обычно полагались особые помощники, заместители – наибы. Они назначались непосредственно кадиями из числа лиц, обладающих большими познаниями в хитросплетениях шариата и фикха. Кроме того, они должны были обладать и такими высокими моральными и нравственными качествами, какие требовались от мусульманского судьи. Иногда наibaм кади поручал исполнение ряда своих обязанностей. Однако наibaм кади мог поручить исполнение своих функций лишь в том случае, если он сам не мог справиться с ними либо по болезни, либо по другим важным причинам. С отрешением от должности кади все назначенные им наibaм тем самым лишались всякого официального значения и не имели уже права выступать заместителями судьи. В обязанности наibaов входило исполнение поручений духовенства в тех случаях, когда по вопросам, касающимся различных отношений между мусульманами, разрешения принимались только на основании шариата. Так, им поручалось привести к соглашению наследников, когда возникал спор о разделе

наследственного имущества, или примирить супругов в случае возбуждения одной из сторон дела о разводе и так далее^{xx}.

По важности в исламской иерархии за наимами следовали амили. Они были сборщиками налогов и являлись важной составной частью государственно-религиозного управления в Крымском ханстве накануне его присоединения к России.

Во главе обычной мусульманской общины стоял имам (имām, мн.ч. а'имма; от глагола амма – «стоять впереди», «руководить чем-либо», «предводительствовать» – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины)^{xxi}. Главной обязанностью имама являлось руководство в чтении и совершении религиозного культа во время исполнения обязательных пятиразовых молитв – намаза (ас-салāt перс. намаз – каноническая молитва)^{xxii}. Основой намаза является рақ'ат – цикл молитвенных поз и движений, сопровождаемых произнесением молитвенных формул, следующих в определенном порядке. Ежедневный молитвенный цикл состоит из пяти обязательных молитв (фард). Первая молитва на рассвете (салат ал-фаджр или салат ас-субх) состоит из двух рақ'атов, в полдень (салат аз-зухр) – из четырех, предвечерняя (салат ал-'аср) – также из четырех, на закате (салат ал-магриб) – из трех, с наступлением ночи (салат ал-'иша') из четырех, дополнительная ночная молитва (витр) может включать до тринадцати рақ'атов^{xxiii}.

В целом структура мечетского духовенства может быть рассмотрена на примере Бахчисарайской Великой Ханской мечети.^{xxiv} Во главе мечети стоял имам, как руководитель мусульманской общины. Но обычно мечетское духовенство возглавлял хатиб (хатїб – оратор, проповедник).^{xxv} Если имам считался руководителем в проведении молитвы (намаза), то хатиб, в свою очередь, читал хутбу (проповедь) в мечети во время пятничной молитвы и праздников. Проповедь состояла из прославления Аллаха, чтения Корана и молитвы за всех правоверных и за мусульманских правителей. Со временем распространился обычай назначать специального хатиба в каждую крупную мечеть, где проводилась большая пятничная служба.

Помощниками хатиба являлись муллы (муллā, рус. заимствование из татар., восходит через перс. молла к араб. маула в значении «господин, повелитель, владыка» – знаток проведения, служитель мусульманского культа). Он мог быть учителем в той или иной религиозной школе. И если у него не оказывалось соответствующего прихода или мектебе, то он признавался в мусульманском обществе в качестве грамотного и ученого человека^{xxvi}. В Бахчисарайской Великой Ханской мечети их было двое. Хатибы и муллы имели право одеваться в светскую одежду.

В этой же мечети было шесть муэдзинов (му'аззин – «призывающий», «взывающий» – человек, провозглашающий азан)^{xxvii}. Они осуществляли три основные функции: собирали верующих, призывали имама и объявляли о начале богослужения. Азан состоял из обязательного повторения следующих слов: четырежды Бог велик; дважды исповедую, что нет Бога кроме Бога; дважды идите на молитву; дважды идите к Богу и Бог велик; дважды нет Бога кроме Бога. К призыву на утреннюю молитву прибавляли: «лучше молиться, чем спать»^{xxviii}. Муэдзинами обычно становились избранные лица, но постепенно эта должность стала духовной.

В мечетскому духовенству относились также мутевели – человек, который был ответственен за вакуфные земли и вакуфные капиталы, которые принадлежали мечети. Мутевели избирался всем приходом, и предпочтение отдавалось честному и добропорядочному мусульманину. При мечети также служили трое каюмов (пономари).

Таким образом, при Шагин-Гирее хане в Бахчисарайской Великой Ханской мечети служили хатиб, двое мулл, шесть муэдзинов, три каюма и мутевели, которые составляли высший и средний слои мечетского духовенства.

Кроме того, в Великой Ханской мечети города Бахчисарая служили другие представители, прежде всего низшего духовенства. Среди них нужно упомянуть дервихунов, которые были ежедневными чтецами Корана. В этой мечети их было тридцать человек. Однако в ней были еще десять человек более высокой категории дервихунов. Они назначались из числа тридцати. Им вменялось в обязанности читать Коран во время большого мусульманского праздника Рамазан, что, без сомнения, являлось для этой категории дервихунов своего рода привилегией.

К низшей же категории служителей мечети относились также другие типы духовных должностей. Например, для Бахчисарайской Большой Ханской мечети был предусмотрен один дерсеам, который являлся учителем богословия. Кроме того, в этой мечети существовали должности старшего и младшего китабхане мухафысы – библиотекари.

К штату некоторых крымских мечетей причислялись ферраши. Они являлись служителями в непосредственном значении этого слова – убрали мечеть, постилали ковры или кошмы, следили за их чистотой. При этом никакого участия в богослужении ферраши не принимали.

Однако не все большие мечети имели такой обширный штат. Например, в Кефинской Соборной мечети штат состоял из восьми человек: хатиба, двух мулл, четырех муэдзинов и каюма. А в Соборной мечети города Судака духовные потребности исполняли лишь хатиб и муэдзин.

Эти мечети содержались при материальной помощи, выделявшейся из государственных средств. Так, например, хатиб, двое мулл, шесть муэдзинов, три каюма и мутевели Бахчисарайской Великой Ханской мечети получали месячного жалования на каждого в сумме, эквивалентной 3 рублям, что составляло на всех 468 рублей в год. Тридцати дервихунам ежегодно жаловалось 180 рублей. Дерсеамы за свой труд получали

36 рублей в год. В свою очередь работа книгохранилища оценивалась ежегодным содержанием в размере по 18 рублей каждому^{xxix}. Жалование духовенству Бахчисарайской Большой Ханской мечети выделялось из доходов Гезлевской таможни.

Содержание служители Кефинской мечети получали от местной таможни в размере 120 рублей в год.^{xxx} Содержание же для духовенства Соборной мечети города Судака отпускалось из государственной казны, но в сумме всего 35 рублей в год. Вряд ли государственные субсидии могли полностью покрыть расходы по содержанию мечетей и оплату жалования многочисленного духовенства. Можно предположить, что существенную материальную помощь оказывали верующие близлежащих приходов и завещанные на богоугодные и просветительские нужды мусульман средства – вакуфы.

Процессом религиозного образования руководили специальные представители мусульманского духовенства. Обычно преподавателями в мектебе и медресе были имамы, муллы, хатибы, муэдзины и другие духовные лица. Кроме них к обучению в мектебе приглашались «аджи», люди, совершившие паломничество к святым для мусульман местам, Мекку. Нередко в мектебе с учениками занимались сохты (учащиеся) духовных мусульманских учебных заведений – медресе^{xxxi}.

Структура преподавательского состава медресе была более сложной и подразделялась на руководство, обслуживающий персонал и помощников. Руководство медресе, в свою очередь, можно условно разделить на высшее, старшее и младшее. Наиболее удобно его рассмотреть на примере Зинджерли-медресе. К высшему руководству в этом учебном заведении относился мудеррис. Он был не только руководителем медресе, исполнявшим обязанности ректора этого учебного заведения, но и мусульманским священнослужителем и одновременно действующим профессором. К старшему руководству медресе относились надзиратели, которые следили за внутренним порядком. Один из надзирателей являлся заведующим библиотекой. В религиозном обучении учащихся помогали имам и муэдзин. Помощь в изучении родного языка оказывали приглашаемый специально оджа (ходжа), мулла-репетитор для младших сохт и учитель чистописания – хаттат (каллиграф)^{xxxii}. В медресе существовал также хранитель вакуфной собственности, на средства которого существовало медресе – мутевели.

К обслуживающему персоналу можно отнести службу и сторожа. В медресе существовали также помощники мудерриса из числа самих сохтов. В каждой группе учащихся мудеррисом назначался старший – биюк. Он был обязан следить за порядком в помещениях медресе и помогать младшим сохтам в изучении того или иного предмета. Иногда назначался старший над биюками – мумеиз^{xxxiii}. К тому же в некоторых наиболее богатых медресе Крыма биюки имели свою градацию. В. Ю. Ганкевич, опираясь на турецкие источники^{xxxiv}, привел «их служебную лестницу по возрастающей: торбуюк, киблебуюк и сирабуюк»^{xxxv}.

Однако нужно отметить, что не все медресе были укомплектованы таким обширным руководящим и обслуживающим персоналом. Взятое в пример Зинджерли-медресе являлось самым крупным, богатым учебным заведением и могло позволить соответствующий его статусу педагогический персонал. В обычных, средних по финансированию, медресе мудеррису зачастую приходилось довольствоваться всего одним помощником и услугами биюка.

Как уже говорилось, к мусульманским духовным учреждениям также относились текие. Во главе этих учреждений стояли шейхи или азизы (с араб. «святой»). Помощниками шейхов были муфтешиси. В текие проживали дервиши и софу. Там же располагались либо суфийские братства, либо их представительства и обычно находились при мечетях. Очевидно, дервиши могли ходить из селения в селение, ведя проповеди на темы мусульманской религии. Собственно же софу находились постоянно при приюте.

Кроме того, к мусульманским учреждениям относились дюрбе (мавзолеи). При каждом дюрбе обычно предусматривался смотритель – дюрбедар. На момент присоединения Крыма в Бахчисарае находились еще три дюрбе. При них находились два дюрбедара и привратник. Они получали жалование в размере 144 рублей в год на троих.

Таким образом, в Крыму накануне присоединения к России сформировалась достаточно сложная система мусульманского духовенства. Оно было четко дифференцировано и пользовалось авторитетом и влиянием среди крымскотатарского населения. Очевидно, российская администрация понимала важность привлечения на свою сторону представителей исламского духовенства Крыма, и сохранило за ними большинство прав и привилегий. Более того, несколько позже она предприняла и попытку унифицировать крымскотатарское духовенство и включить его в общегосударственную структуру.

ⁱ Хартахай Ф. Христианство в Крыму // Памятная книга Таврической губернии. / Под ред. К.В. Ханацкого. – Симферополь: Тип. Таврического губернского правления, 1867. – Вып.1. – С.65.

ⁱⁱ Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России. – С.211.

ⁱⁱⁱ Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.177.

^{iv} Там же.

^v Эвлия Челеби. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Перевод и комментарий Е.В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – С.43.

^{vi} Лашков Ф.Ф. Диван, мусульманское судопроизводство // Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай. Отчет. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1888. – С.41.

-
- vii Там же. – С.44; Бахчисарайский историко-культурный заповедник: Путеводитель / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1995. – С.10.
- viii Эвлия Челеби. Указ. соч. – С.44.
- ix Эвлия Челеби. Указ. соч. – С.40.
- x Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб.: Тип. В. Велинга, 1875. – Т.4. – С.6.
- xi Кондараки В.Х. Указ. соч. – С.70-71.
- xii Кондараки В.Х. Указ. соч. – С.70-71.; Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма. 1784г. // ИТУАК. – 1888. – №3. – С.56.; Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году. //Памятная книга Таврической губернии. /Под ред. К.В. Ханацкого. – Симферополь: Тип. Таврического губернского правления, 1867. – Вып.1. – С.21.
- xiii Лашков Ф.Ф. Диван, мусульманское делопроизводство ... – С.39.
- xiv Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма ... – С.56.; Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году ... – С.21.
- xv Кондараки В.Х. Указ. соч. – С.6.
- xvi Там же. – С.40.
- xvii Кондараки В.Х. Указ. соч. – С.6.
- xviii Кондараки В.Х. Указ. соч. – С.71.
- xix Лашков Ф.Ф. Диван, мусульманское делопроизводство ... – С.40.
- xx Александров И. О наихбах в Крыму // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т.1. – №1. – С.669-670.
- xxi Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.97.
- xxii Там же. – С.204.
- xxiii Там же. – С.204.
- xxiv Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма ... – С.56.
- xxv Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.276-277.
- xxvi Там же. – С.170.
- xxvii Там же. – С.167.
- xxviii Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами... – С.208.
- xxix Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма. 1784 г. ... – С.58; Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году ... – С.22.
- xxx Скальковский А. Указ. соч. – С.22.
- xxxi Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – С.28.
- xxxii Там же. – С.40.
- xxxiii Там же. – С.41.
- xxxiv Kırım'da medrese hayatı // Emel. – 1971. – № 63. – S.9.
- xxxv Ганкевич В.Ю. Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа XIX – XX ст.): Дисс... докт. істор. наук: 07.00.02.– Сімферополь, 2000.– С. 139.